Глава 2

Пирра отпустила его и отступила назад. Она повернулась и полезла под юбку. Прислонившись к полке, Жон смотрел, как она снимает трусики с ног, и в конце концов они оказались белыми и мокрыми между колен. Член Жона был до боли твердым. Он расстегнул ремень, выдернул его из петель и, схватив презерватив, стянул брюки, даже не потрудившись снять их со своих лодыжек. Его член торчал впереди, как стрелка компаса, и он, шаркая, подошел к Пирре. Она наклонилась, раздвинув ноги, между которыми были натянуты трусики.

Жон подошел к Пирре сзади, обхватил ее за талию и прижался бедрами к ее ягодицам. Его член проскользнул между ее ягодиц и, задыхаясь, конвульсивно толкнулся пару раз, после чего отступил и направил его к намеченной цели. Теперь, наклонившись вниз, он стоял вровень с ее расщелиной, и, когда Жон стал тереться о нее, его головка и ствол зашептались о клитор Пирры. Она задрожала, и настал ее черед стонать.

— Поторопись и вставь его, — сказала она с рычанием в голосе. Жон пригляделся и увидел, что костяшки ее пальцев побелели от того, как крепко она держала книжную полку. Он был рад, что они надежно прикручены, и мог только надеяться, что она не потеряет контроль над своим магнетическим подобием во время их «поединка».

— Я тороплюсь, тороплюсь, — сказал он, но намеренно задержался еще на несколько секунд, давля на нее, пока его член не оказался почти под губами ее пухлой киски. Затем, медленно, осторожно, он стал продвигаться вверх, пока его кончик не уперся в ее вход.

Жон сделал толчок и со стоном погрузился в Пирру, ее шелковистые, скользкие стенки обняли его своим жаром и теснотой. Он опустился на дно и, вздрогнув, остановился, склонившись над ней, оба тяжело дыша от восторга первого соединения. Он смотрел, как поднимается и опускается ее спина, затем крепко сжал ее в объятиях, отстранился и снова опустился на нее.

Времени на медленное начало не было, да оно никому из них и не было нужно. Жон понял, что да, он действительно трахает свою девушку в библиотеке, и страх и возбуждение заставили его заняться с ней торопливой, почти отчаянной любовью. Пирра, похоже, чувствовала то же самое, судорожно извиваясь на его руках. Она сняла одну руку с полки, держа ее перед лицом, и, казалось, прикусывала большой палец, чтобы не закричать.

— Боже, Пирра, — сказал Жон, — думаю, я долго не протяну.

— Я тоже, — ответила она, задыхаясь. — Наверное… блядь… наверное, это хорошо, — головка Жона коснулись ее сладкого места, и она громко застонала. — Потри мне клитор! — сказала она и поспешно засунула большой палец обратно между зубами.

Жон сделал то, что она приказала, убрал руку с ее талии и потянулся к ее бедру. Он пошарил пальцами по лобку, пока не нащупал набухшый бугорок клитора. Как можно деликатнее, учитывая, что его толчки раскачивали Пирру взад-вперед, он провел по нему пальцами, а затем быстрыми, мелкими кругами стал дразнить его, перекатывая взад-вперед под его

капюшоном. Он надавлил еще сильнее, и хныканье Пирры стало еще громче, слышнее даже через ее руку.

Удовольствие Жона нарастало; его яйца напряглись, а член запульсировал, сопротивляясь ограничениям латексной кожи и стенок Пирры. Крепко держась одной рукой ее промежность и продолжая неторопливо терзать ее бутон, он наклонился прямо к ней через спину и схватил ее за грудь через топ, полагаясь на ее крепкие ноги и твердые сухожилия, чтобы удержать его. Новая позиция потребовала от него жестких, быстрых и коротких ударов, и он вбивался в нее с остервенением. Закрыв глаза, он погрузился в ее тело, слушая ее нарастающие визги, обдавая горячим дыханием ее шею, ощущая под своей рукой твердый сосок и мягкую грудь, под другой - скользкий, неуловимый узелок клитора.

С придушенным писком Пирра замерла, вздрогнула, и ее ноги подкосились под Жоном. На мгновение они пошатнулись, выпрямились, и когда Жон трахал ее последние несколько секунд, ее влагалище пульсировало вокруг его члена, сильно сжимаясь. Оргазм захлестнул его, и он с надрывным выдохом опустился на нее. Его бедра дергались, член извергал густую сперму на кончик презерватива. Презерватив вздулся, и его сперма, горячая и мокрая, ударилась о головку члена. Дрожа от гормонального электричества, он выдохнул, выпрямился, снял резинку с члена и завязал ее тонким узлом.

Пирра повернулась, задыхаясь, и прислонилась к книжной полке. Она поманила к себе Жона, и он бросился к ней в объятия, осыпая ее небрежными, неуместными поцелуями.

— Ох, ох, Жон, — сказала она, откинув голову назад, чтобы он мог поцеловать ее по линии челюсти. — Это было... это было...

— Дико, — пробормотал он, зарываясь лицом в ее плечо.

Резкое "тук!" наполнило воздух. Кожа ударилась о кожу. — Позор, — раздался холодный, чопорный голос.

Очень медленно, едва осмеливаясь, Жон и Пирра повернули головы, чтобы посмотреть назад. Там стояла: Глинда Гудвич. Последняя, кого они хотели бы видеть в этот момент. На ее красивом лице застыла маска ярости. Ее пальцы были скручены вокруг своего хлыста так же крепко, как Пирра цеплялась за полку.

— П-профессор Гудвич! — заикался Жон.

— Мы просто...— начала Пирра. Гудвич прервала ее.

— Я точно знаю, что вы делали, — сказала она. — Одевайтесь. Немедленно.

Пирра, стыдясь, натянула трусики и разгладила юбку, а Жон попытался натянуть штаны и

дважды потерпел неудачу, настолько сильно дрожали его руки.

— Идите за мной, — сказал Гудвич, и они стали вести себя как можно приличнее. Жон огляделся в поисках места, куда можно было бы положить презерватив.

— Нет, мистер Арк, — сказал Гудвич. — Вы можете носить его с собой. В конце концов, у вас не было никаких проблем с тем, чтобы заполнить его публично.

Жон и Пирра шли за ней по пятам, не поднимая головы. Они вернулись через главный зал библиотеки, где, к их облегчению, большинство оставшихся студентов были полностью поглощены своей работой. В коридорах, однако, все еще гуляли ночные совы, и любопытные взгляды и скандальные перешептывания следовали за ними, особенно когда их товарищи охотники заметили резиновый знак позора, болтавшийся в вялой руке Жона.

Спустя, казалось, целую вечность, они подошли к двери в кабинет профессора Гудвича. Она толкнула дверь, и они вошли вслед за ней. Внутри было темно, освещали кабинет только пара тусклых угловых ламп и зеленая настольная лампа, отбрасывавшая зловещий свет в центре комнаты. Гудвич оставила Жона и Пирру стоять перед своим столом, а сама обошла его и устроилась в кресле.

— Я не буду притворяться, что мы все дураки, и спрашивать вас, что вы делали, — начала она, окинув их жестким взглядом. — Как я уже сказала, я прекрасно знаю, что вы делали. Я спрошу вас вот о чем: что, черт возьми, заставило вас сделать это публично, да еще и в библиотеке? Неужели вам не стыдно? Охотники должны поддерживать определенный уровень приличия. Если мы теряем его, мы теряем уважение общества. Если мы потеряем уважение общества, мы потеряем возможность эффективно защищать его от Гриммов. Вы понимаете?

— Да, профессор Гудвич, — пробормотали Жон и Пирра, опустив глаза. Пирра говорила так, будто вот-вот расплачется, чего Жон никогда раньше не слышал.

— Я понимаю, что вы молоды и влюблены друг в друга, — продолжала Гудвич. — Но если вы хотите вести себя, как звери во время течки, то делайте это в уединении своей комнаты. Или здесь.

Жон посмотрел на Пирру, а она на него. Действительно ли Гудвич сказала то, что сказала? Она продолжала как ни в чем не бывало.

— Вы, господин Арк, — сказала она, направив на него свой стек. — Я разочарована в вас. Вам была предоставлена возможность учиться в этой академии, которую имеют не многие в вашем положении. Нет, не протестуйте, мы знаем. Неужели вы думали, что мы не узнаем? Я надеялась, что вы отнесетесь к этой привилегии более серьезно.

Она поднесла свой стек к Пирре, которая слегка задрожала, как будто подавляя дрожь.

— Но вы, мисс Никос, — сказал Гудвич, — вы меня особенно разочаровали. Охотница с вашими способностями должна знать, что мы живем или умираем в зависимости от решения следовать своим инстинктам или игнорировать их. Вы сделали неправильный выбор.

— Мне... мне очень жаль, профессор Гудвич, — сказала Пирра.

— Да. Это так. А было бы, если бы вас не поймали? — Гудвич вздохнула и откинулась на спинку стула, зажав свой стек между большими и указательными пальцами обеих рук. Ее ледяное выражение лица несколько разгладилось.

— С учетом всего этого я не собираюсь наказывать никого из вас.

— Вы не? — спросил Жон. В отчаянной надежде он поднял голову. Пирра сделала то же самое.

— Нет, — сказала Гудвич. — Если бы мы исключали каждого студента за первый подобный проступок, у нас осталось бы очень мало таких студентов.

Она сделала небольшую паузу, размышляя. — Охотники - девианты по своей природе. Мы это понимаем. У каждого есть один шанс. Один. Вы двое только что получили свой. Вы меня понимаете?

В полном облегчении и недоумении Жон и Пирра хором сказали: — Да, профессор Гудвич.

— Спасибо! — добавила Пирра. На губах Гудвича мелькнуло нечто, похожее на улыбку.

— Я рада. А теперь, пожалуйста, присаживайтесь. Есть еще одна часть этого. Что-то вроде традиции. Предложение, сделанное тем, кто нарушает правила так, как это сделали вы.

У одной из стен кабинета Гудвича стоял черный кожаный диван. Жон вместе с Пиррой пытаясь прийти в себя. Слова Гудвич успокаивали, но ничуть не уменьшали трепета Жона перед этим загадочным предложением.

— Теперь, — сказала Гудвич, — то, что я собираюсь предложить, дело совершенно добровольное. Если вы скажете «нет» , это никак не повлияет на то, что я сказала по поводу ваших наказаний. Как, впрочем, и согласие. Но я думаю, что вам это может понравиться, и это поможет сжечь часть этой юношеской энергии, — последние слова прозвучали для Жона почти игриво.

— Что именно вы имеете в виду, профессор? — спросила Пирра.

— Может быть, проще будет показать вам…

http://erolate.com/book/3613/89469